

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(470)«16/19»

DOI 10.31143/2542-212X-2019-2-206-216

ПОИСК ПУТЕЙ К ИСТОРИЧЕСКОМУ СИНТЕЗУ¹**А.Д. КУРБАНОВ***ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»**370000, РД, г. Махачкала, ул. Гаджиева 43-а**E-mail: ahmed2005@mail.ru*

Аннотация. Основной целью рецензируемого труда являлось приближение к историческому синтезу в понимании сложного взаимодействия геополитических, социально-политических и социо-культурных факторов, обусловивших содержание и формы политического сближения и последующей инкорпорации региона в состав Российской империи на протяжении XVI–XIX вв. В двух частях работы этот процесс рассматривается в соответствии с предлагаемой авторами периодизацией: XVI–XVIII вв. – этап движения от асимметричного партнерства к российскому доминированию в макрорегионе; 1801–1864 гг. – этап непосредственной инкорпорации макрорегиона в государственное тело империи. Кавказская война интерпретируется в качестве военно-политической составляющей процесса инкорпорации. Хронологические и политические рамки войны ограничены начальным и конечным пунктами процесса необратимых изменений политического и административного статуса территорий, обществ и народов региона, обусловленных вооруженным противоборством между Российской империей и местными этно-политическими образованиями. Военная «оболочка» процесса в значительной степени была обусловлена культурно-цивилизационной дистанцией между сторонами конфликта. В то же время он повлек глубокую перестройку этно-демографической и этно-социальной композиции, административной и судебной системы, культурно-идеологической сферы жизни региона, тем самым приближая имперское государство и народы Северного Кавказа к лучшему пониманию друг друга. В работе присутствует ряд конкретных суждений, которые не во всем согласуются с историческими реалиями изучаемой эпохи: о вертикальной соподчиненности обществ, в которой «нижние» всегда доминировали над «верхними»; об укоренении ислама в Дагестане уже с VII–VIII вв.; о том, что уже применительно к XVI в. можно говорить о Тарковском, а не Гази-Кумухском шамхальстве; об отсутствии в рассматриваемое время у народов Северного Кавказа государственных институтов. Вызывают возражения некоторые моменты предложенной в работе периодизации Кавказской войны. Но в целом, вводимая авторами в научный оборот понятийная цепочка – «присоединение–инкорпорация–легитимация–интеграция–синтез» представляет интерес. Она отражает не столько этапы, сколько аспекты, различные «фазовые состояния» российско-северокавказских отношений, в различной степени присутствующие на каждом этапе развития этих отношений.

¹ Рецензия на монографию: Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 268 с.

Ключевые слова: Россия; Северный Кавказ; XVI-XIX века; партнерство; имперское доминирование; инкорпорация; Кавказская война; русское население; административно-судебное устройство; легитимация.

THE SEARCH AFTER HISTORICAL SYNTHESIS¹

A.D. KURBANOV

*FSBEI HE «Dagestan State University»
367000, RD, Makhachkala, Gadzhieva street, 43-a
E-mail: ahmed2005@mail.ru*

Abstract. The basic intention of the authors of the reviewed publication was to get nearer to historical synthesis in understanding the complex interplay of geopolitical, socio-political and socio-cultural factors conditioning the content and the forms of political rapprochement and consequent incorporation of the region into Russian empire during the 16th – 19th centuries. In the work's two parts this process is examined in accordance with the periodization suggested by the authors: 16th – 18th centuries – the stage of transition from asymmetric partnership to Russian domination in the macro-region; 1801-1864 – the stage of direct incorporation of the macro-region into the empire's state frame. Caucasian war is interpreted as military-political dimension of the process of incorporation. Temporal and political boundaries of the war are limited by the initial and final points of the process of irreversible changes in political and administrative status of territories, societies and peoples of the region resulting from armed struggle between Russian empire and local ethno-political formations. Military envelope of the process was to a large extent caused by civilizational distance between the sides of the conflict. Simultaneously it entailed deep restructuring of ethno-demographic and ethno-social composition, administrative and judicial system, cultural and ideological spheres of region's life thus bringing closer imperial state and North Caucasus peoples to better mutual understanding. There are some propositions in the work, which aren't fully consistent with the historical realities of the epoch: on the system of "vertical" hierarchy of societies in the region where the "lowers" always dominate the "uppers"; on early rooting of Islam in Daghestan; on 16th century Tarki Shamhaldom while at that time it was really Gazi-Kumukh Shamhaldom: on the absence of state institutions in native ethno-social formations. Some elements of the proposed in the work periodization give rise to objections as well. But in general, suggested in the book conceptual chain – "accession-incorporation -legitimation-integration-synthesis" seems to be interesting. It reflects not as much stages as aspects, various "phase states" of Russia-North Caucasus relations, which are present in various degrees at the every stage of their development.

Keywords: Russia; North Caucasus; 16-19th centuries; partnership; imperial domination; incorporation; Caucasian war; Russian population; administrative and judicial system; legitimation.

Отечественная историческая наука пополнилась новым фундаментальным трудом, подготовленным сотрудниками Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра

¹ Review of the monograph: Rossiya i narody Severnogo Kavkaza v XVI – seredine XIX veka: sotsiokul'turnaya distantsiya i dvizhenie k gosudarstvenno-politicheskomu edinstvu [Russia and the peoples of the North Caucasus in the sixteenth – mid nineteenth centuries: sociocultural distance and movement towards state and political unity]. – Nalchik: Redaktsionno-izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2018. – 268 p.

Российской академии наук. Коллективное исследование посвящено выработке обобщенной интерпретации исторического опыта становления государственно-политического единства России и народов Северного Кавказа. Объективная потребность в таком издании очевидна, ибо историческая наука не стоит на месте, расширяется источниковедческая база, пересматриваются многие устоявшиеся точки зрения.

Проблемы, поднимаемые в исследовании, нашли отражение во многих научных трудах, как дореволюционной, так и советской и постсоветской исторической литературе. На первый взгляд складывается впечатление, что в целом данная тема достаточно изучена. Однако авторы рассматриваемого труда, проанализировав широкий круг источников и литературы, смогли проследить степень понимания процесса вхождения Кавказа в состав России исследователями разных эпох и предложить свою модель непростой инкорпорации.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена значительным интересом к региону, в котором остро протекают социально-политические процессы в условиях перехода от советской к современной государственности России. Кроме того, работа актуальна в связи с тем, что на социокультурной почве Северного Кавказа укореняются негативные явления – этнические конфликты и сепаратизм, религиозный фундаментализм и экстремизм, терроризм, что представляет угрозу для безопасности российского общества и государства.

Основной целью коллективного труда является приближение к историческому синтезу в понимании сложного взаимодействия геополитических, социально-политических и социо-культурных факторов, обусловивших содержание и формы их политического сближения и последующей инкорпорации региона в состав Российской империи на протяжении XVI–XIX вв. До настоящего времени одним из интеллектуальных препятствий на пути к этой цели исследователи считают неспособность рассматривать, как в равной степени существенные, военное и невоенное измерения этого процесса. В предлагаемой книге Кавказская война интерпретируется в качестве военно-политической составляющей процесса инкорпорации Северного Кавказа в территориальную и политическую структуру Российской империи. Хронологические и политические рамки войны ограничены начальным и конечным пунктами процесса необратимых изменений политического и административного статуса территорий, обществ и народов региона, обусловленных вооруженным противостоянием между Российской империей и местными этно-политическими образованиями. Военная «оболочка» процесса в значительной степени была обусловлена культурно-цивилизационной дистанцией между сторонами конфликта. В то же время он повлек глубокую перестройку этно-демографической и этно-социальной композиции, административной и судебной системы, культурно-идеологической сферы жизни региона, тем самым приближая имперское государство и народы Северного Кавказа к лучшему пониманию друг друга.

Структура рецензируемой работы представляется четкой и хорошо аргументированной. В ней две части, в каждой из которых рассматривается процесс включения региона в состав России в соответствии с предлагаемой авторами хронологией.

Первая часть книги «Российское государство и Северный Кавказ в XVI–XVIII вв.: от асимметричного партнерства к российскому доминированию в макрорегионе» написана д.и.н., К.Ф. Дзамиховым и д.и.н., Е.Г. Муратовой. В соответствии с общим замыслом коллективного труда в эту часть включены вопросы историографии проблемы, освещение этносоциальной и этнополитической структуры Северного Кавказа, этапов политического сближения и партнерства российского государства и народов Северного Кавказа. XVIII в. как переходный период от взаимодействия к имперскому «монологу», выделен отдельно.

Исследователи справедливо отмечают, что историография взаимоотношений народов Северного Кавказа и России на протяжении всего периода ее существования в целом оставалась политизированной, и на каждом этапе на нее во многом влияли актуальные с точки зрения государства идеологические установки, а не исследовательские подходы, выработанные профессиональной исторической наукой.

Анализируя значительный пласт исследовательской литературы, авторы приходят к выводу, что реальная практика русско-северокавказских отношений больше соответствует понятию союзничества, которое фиксировалось в характерных для той эпохи формах (и формулах) феодального подданства, («договор» о «подданстве», «покровительстве», «учинении в холопстве», «о службе и обороне»).

Исследователи подробно описывают кавказские народы – расселение, количество, особенности хозяйственного развития, и в масштабах всего региона четко выделяют два крупных пространственно-географических компонента: равнинный и горный (включая его предгорную, горную и высокогорную части). Ученые солидарны с Л.И. Лавровым и Ю.Ю. Карповым, что организация власти и общества в географически сложном регионе, имела традиционно «вертикальный» характер. «Чем ниже жил народ или общество, тем сильнее было его влияние на соседей». На наш взгляд с таким утверждением сложно согласиться, к примеру, на Северо-Восточном Кавказе такие политические единицы горного Дагестана, как Гази-Кумухское шамхальство, Хунзахское нуцальство, Кайтагское уцмийство распространяли свое влияние за пределы горной зоны.

Уделено внимание и вопросам исламизации горских обществ Кавказа. Авторы отмечают, что в целом, «степень исламизации в регионе до конца XVIII в. была не столь значительной. Если, например, в Дагестане ислам укоренился давно (с VII–VIII в.) и глубоко, а арабский язык служил здесь литературным языком, то у других народов сохранялся исламско-языческий синкретизм. Мусульманская религия заняла более прочные позиции у кабардинцев и вайнахов только к концу XVIII в., у западных черкесов, балкарцев и карачаевцев – в первой трети XIX в.» Соглашаясь с авторами об упрочнении

позиций ислама у кабардинцев, вайнахов, западных черкесов, балкарцев и карачаевцев в XVIII-XIX вв., трудно согласиться с тем, что в Дагестане «ислам укоренился (с VII-VIII вв.) и глубоко». Процесс распространения ислама в Дагестане занял порядка 900 лет.

Сложно согласиться с авторами (стр. 70), что к 1550-1560-м гг. относятся первые контакты Москвы с тарковским шамхалом, ибо центром шамхальства в рассматриваемое время являлся Гази-Кумух, в последнем находятся могилы шамхалов, датируемые вплоть до 40-х годов XVII в., а Тарки являлись второй резиденцией.

В главе по праву значительное внимание уделено Терскому городу и выстраиванию диалога между кабардинскими князьями и российским государством, где первые – князья Черкасские, служившие в Турки, на протяжении длительного времени являлись посредниками в сношениях российского правительства с «владельцами» и народами Северного Кавказа. Они находили постоянную поддержку у другой группы кабардинских князей, которая выехала в Россию и стала известна здесь как княжеский род Черкасских, который влился в состав московской феодальной знати и занял высокое положение в системе государственной и военной администрации.

Оценивая состояние международного положения и интересы мировых держав к региону, авторы совершенно справедливо замечают, что в рассматриваемое время главное содержание политики Российского государства по отношению к северокавказским народам состояло в том, чтобы удержать их в сфере своего влияния и не допустить их союза с Османской Турцией, Ираном и Крымским ханством.

Останавливаясь на значимости шертных договоренностей, исследователи подчеркивают, что не следует абсолютизировать и осовременивать значение шертных договоренностей XVI или XVII в., принимать их за неукоснительные обязательства для всех сторон (северокавказских, ногайских, калмыцких владетелей и Москвы) по аналогии с международными пактами новейшего времени. На основе документальных источников русско-северокавказских отношений можно заключить, что шерт действовала, во-первых, официально – пока были живы или находились у власти заключившие ее правители; во-вторых, фактически – пока сохранялась политическая обстановка, вызвавшая ее заключение.

Нельзя не согласиться с авторами, что изначально имело место неодинаковое прочтение договорных обязательств горцами и царской властью. Шертные грамоты (присяги), оформлявшие подчинение горских народов царю, понимались Москвой как «вечное подчинение», не допускавшее никакого отхода или отделения, которые в последнем случае трактовались как «измена». Со своей стороны, северокавказские «партнеры» Москвы рассматривали свои отношения с Россией как союзнические, что охотно закреплялось в шертных договорах и присягах, предполагавших взаимные обязательства. В их глазах было естественным право на смену коалиций и союзников.

Таким образом, данная глава, несомненно, вызовет интерес у исследователей, а также у широкого круга интересующихся историей российско-кавказских взаимоотношений на начальном этапе.

В завершающей главе первой части центральное место занимает вопрос об активизации политики России в южном направлении в XVIII в., где значительное внимание уделено времени Петра I и Екатерины II. Справедлив в этой связи вывод авторов, что после успешного завершения Северной войны и укрепления ее территориального и военно-экономического потенциала она напрямую включается в передел сфер влияния в кавказском регионе. Для набирающей мощь России становится реальной целью установления полного военно-политического контроля над Северным Кавказом. Уже с 1735 г. начинается строительство военных крепостей, которые к концу века составили сплошную линию русских военных укреплений от Каспийского до Азовского моря. Она заселяется казаками, и, таким образом, возникает русский «фронт» – подвижная граница и контактная зона обществ и культур России и Северного Кавказа.

Вторая часть книги «Российская империя и Северный Кавказ в 1801–1864 гг.: инкорпорация макрорегиона в государственное тело империи», сохраняя и продолжая общую направленность, в большей мере ориентирована на исследование вопросов, связанных с кризисом российско-кавказских отношений в XIX в.

Первые две главы – «Кавказская война как предмет научного и общественного осмысления» и «Военно-политическая фаза процесса инкорпорации Северного Кавказа в состав империи» написаны к.и.н., А.Х. Боровым.

Рассматривая историографическую ситуацию Кавказской войны, исследователь справедливо замечает, что «разнообразие подходов и конфликт интерпретаций, наблюдаемые в современной российской историографии, являются в определенной мере беспрецедентными. В основе современных дискуссий лежат не источниковедческие проблемы, не трудности решения частных вопросов реконструкции фактов и событий Кавказской войны, а различные подходы к ее общей интерпретации, т.е. конструирования «Кавказской войны» как исторического явления» (с.102).

Анализируя работы рубежа 1980-1990 гг., автор приходит к выводу, что инициатива в определении общественной и научной актуальности тех или иных сюжетов Кавказской войны перешла к местным интеллектуальным кругам, которые тесно увязывали постановку научных проблем с национальным вопросом, восстановлением исторической памяти, возрождением национально-культурных традиций. В этом контексте идеологема «добровольного вхождения» народов Северного Кавказа в состав России стала выглядеть как проповедь их добровольного отказа от своей исторической субъектности и была замещена идеологией завоевания, сопротивления. С другой стороны, легитимация современной государственности России строилась не только на либерально-демократических принципах, но и на восстановлении прямой преемственности с исторической российской государственностью, включая ее

имперский период, что возрождало к жизни элементы «имперского» видения проблем российско-кавказского исторического процесса. Эти два обстоятельства и привели к тому, что дискуссионными стали практически все основные аспекты проблемы. А стремление участников дискуссии утвердить свою однозначную трактовку природы войны в целом неизбежно возвращало их к «простым» ее интерпретациям.

В завершение историографического обзора, анализа внутренних противоречий между различными подходами автор указывает на задачи, стоящие перед исследователями XXI в., которые надо решить на пути к познавательному синтезу.

Заслуживают внимания и выводы исследователя о сложности проблемы в осмыслении Кавказской войны, где акцентируется внимание на континуитете геополитических факторов, культурно-цивилизационных особенностях военного конфликта, влияния горского социального уклада на характер войны. Однако согласиться с мнением об отсутствии в рассматриваемое время у народов Северного Кавказа государственных институтов (за исключением приморского Дагестана) (с.114) сложно.

В исследовании затронут и один из сложных вопросов Кавказской войны – проблема масштабов и ее целостности, где автор выделяет основные предположения, точки зрения и исследователей, отстаивающих свои взгляды.

В данной части труда значительное внимание уделено проблемам и перспективам общей интерпретации Кавказской войны в современной культурно-исторической ситуации. Характеризуя современную исследовательскую литературу, ученый заключает, что «присутствие в современной литературе противоположных интерпретаций Кавказской войны часто воспринимается как проявление тупиковости историографической ситуации. Но проблема не просто в наличии дискуссионных позиций, а в том, что каждая из них претендует на то, что только она исходит из надежно установленных фактов, соответствует исторической реальности, объективна. По сути, здесь неявно предполагается, что познавательные проблемы в изучении войны уже решены, недостает только научной и гражданской добросовестности у оппонентов. Отсюда – двуединая природа текущей историографической ситуации.

Автор, размышляя над историографическими концепциями Кавказской войны приходит к выводу, что целостное осмысление Кавказской войны есть комплексная историко-политологическая проблема. Ее решение будет выглядеть как совокупность выводов, построенных на политологическом анализе и обобщении исторических фактов, относящихся к каждому отдельному аспекту этого сложного и своеобразного явления и к формам его актуализации в современном научно-общественном дискурсе.

Во второй главе данной части, посвященной военно-политическому противостоянию и процессу вхождения народов Северного Кавказа в состав России, основное внимание обращено на вопросы о границах войны в объективном и субъективном представлении, об этапах эволюции военно-

политического измерения российско-северокавказских отношений, о поисках понимания сторон как составной части военной политики.

Для лучшего понимания всего процесса, связанного с войной, А.Х. Боров, прежде чем начать освещение основных вопросов, акцентирует внимание на проблеме осмысления сложности и своеобразия Кавказской войны с теоретической точки зрения, которая предполагает соотнесение конкретных событий с общими понятиями, раскрывающими природу войны как явления. Таким образом, автор предлагает трактовать Кавказскую войну как «период в истории отношений России и народов Северного Кавказа, который характеризуется поэтапными необратимыми изменениями политико-административного статуса территорий, обществ, народов Северного Кавказа, ведущими к установлению прямого административного контроля над ними со стороны Российской империи при решающей роли военной силы в достижении и закреплении соответствующих территориально-политических изменений в регионе».

Ученый подробно излагает особенности датировки начала Кавказской войны, где сложно не согласиться с его мнением, что понятие Кавказская война складывалось «естественно-исторически» в восприятиях ее современников, и постфактум, вместе с осознанием взаимосвязи, смысла и значения множества разнообразных событий, имевших место на протяжении ряда десятилетий. Когда речь идет о такого рода войне, то задача установления ее хронологических рамок оказывается функцией историографии. Начало Кавказской войны в исторической науке выступает не как событие (исторический факт), а как оценка значения тех или иных событий (историческая интерпретация) (с.132).

Исследователь предлагает рассматривать военно-политические взаимоотношения России с народами Северного Кавказа в следующей эволюции: предыстория войны (1560-1762 гг.); завязка войны (1763-1801 гг.); «малая война» без стратегического плана (1802-1816 гг.); ермоловский этап Кавказской войны (1817-1827/9 гг.); кульминация Кавказской войны (1830-1845 гг.); коренной перелом (1845-1856 гг.); завершающий этап Кавказской войны (1856-1864 гг.)

Соглашаясь с исследователем, что рамки Кавказской войны выходят за 1817-1864 гг. и что основание Моздока – это, безусловно, веха в истории взаимоотношений России с Кабардой и с народами Кавказа, заметим, что противостояние уходит своими корнями в XVI в.

Исследователь в своей периодизации Кавказской войны предлагает этот этап, а именно 1560-1762 гг., озаглавить как «Предыстория войны» и ставит вопросы, ответы на которые подразумевают причисление данного периода к войне или нет. Так, по А.Х. Борову, события этого периода нельзя включать в содержание понятия Кавказская война, ибо не возможен положительный ответ на следующие вопросы: Являлись ли участниками всех этих событий одни и те же политические субъекты – стороны конфликта? Присутствует ли в них общее политическое содержание, имеющее самостоятельный характер, ведущее к необратимым изменениям политико-административного статуса Северного

Кавказа в целом при решающей роли военной силы в достижении и закреплении соответствующих территориально-политических изменений в регионе? Имеет ли место взаимосвязь и поэтапность развития событий, в которой результаты предшествующего военно-политического эпизода (события или группы событий) становятся основанием последующего эпизода? (с. 135)

На наш взгляд, мнение исследователя спорно, т.к. поход в Дагестан Черемисинова в 1560 г., отправка в 1567 г. по просьбе кабардинского князя Темрюка Иваном IV князя А.С. Бабичева для строительства крепости на р. Терек, поход А.И. Хворостинина 1593-1594 г., поход И.М. Бутурлина и О.С. Плещеева 1604-1605 гг. - это события одной цепи, направленные против Гази-Кумухского Шамхальства и способствовавшие ослаблению его влияния в регионе, а позже и распаду. Можно предположить, что продвижение на Кавказ не продолжилось в связи вступлением в новую фазу событий Смутного времени и продолжительного восстановления страны, к тому же и ориентиры российского государства во внешней политике были смещены.

И если перечисленные выше конфликты не являются составляющей Кавказской войны, то ее необходимо выделить в отдельную, в противном случае подтягивать события эпохи второй половины XVI начала XVII в. проблематично.

Заслуживает внимания поднимаемый ученым вопрос о «поисках понимания как составной части военной политики», где исследователь прослеживает инкорпорацию Северного Кавказа в состав Российской империи, в том числе и в невоенном аспекте.

Проблеме реформирования этно-демографической и этно-социальной композиции макрорегиона посвящена часть коллективной монографии, подготовленной исследователем Н.В. Варивода. На анализе статистических данных и исследовательской литературы автор констатирует, что демографические процессы, обусловленные государственной политикой, стихийными миграционными процессами и военными действиями привели к глубокому реформированию этнодемографической структуры Северного Кавказа. Самый высокий прирост отмечался в Ставропольской губернии, затем шли районы, впоследствии вошедшие в Кубанскую, Терскую и Дагестанскую области. Основную долю прироста населения Ставрополя и Кубани давала миграция (до 80%). В сочетании с высоким естественным приростом она обеспечивала темпы роста населения региона, превышавшие рост населения в целом по стране.

Представляет интерес проблема, поднимаемая в работе д.и.н., А.Х. Абазовым – это поиск форм имперского контроля и управления Россией территориями и народами Северного Кавказа и характеристика механизмов формирования органов власти в конце XVIII – первой половине XIX в. как важнейший аспект изучения истории развития российской государственности в регионе.

Исследователь констатирует, что несмотря на повышенный интерес ученых к истории административно-судебных преобразований на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в., данная проблема остается

недостаточно изученной. Для ее исследования ученый предлагает выделить несколько этапов:

– 1785–1822 гг. – включение региона в административно-территориальную систему империи и внедрение первоначальных форм судебного-административного контроля.

– 1822–1858 гг. – преобразование Кавказской губернии в Кавказскую область в 1822 г. и внедрение территориальных и институциональных структур взаимодействия имперского государства с народами Северного Кавказа.

– 1858–1864 гг. – установление «военно-народной» системы как формы перехода от чрезвычайных к «нормальным» практикам инкорпорации культурно-сложного макрорегиона в российское государственное пространство.

Рассмотрение каждого из выделенных периодов позволило исследователю проследить складывание системы административных и судебных учреждений в регионе, являвшейся сложным и длительным процессом, в основе которого лежал поиск оптимальных моделей функционирования властных структур в условиях перманентных административно-территориальных преобразований.

Вопросам культурно-идеологических сдвигов в горских обществах и путям легитимации имперской власти посвящена глава пятая второй части труда, подготовленная к.и.н., Д.Н. Прасоловым.

Сложно не согласиться с тезисом исследователя, что культурно-идеологические процессы в горских обществах рассматриваемого периода были прямо обусловлены событиями военно-колониционных мероприятий Российской империи на Северном Кавказе.

Всесторонне рассмотрев проблему, автор закономерно приходит к выводу, что результаты культурно-идеологических процессов в горских обществах в XVIII – первой половине XIX в. определялись сложностью и противоречивостью содержания российско-северокавказской интеграции, в значительной степени обусловленной экстремальными условиями Кавказской войны. Сопротивление горских народов так же, как и выбор интеграционных стратегий в значительной мере определялись этнокультурной и религиозной идентичностью горских сообществ. Этноконфессиональная карта Северного Кавказа складывалась из ареалов распространения ислама, христианства, отличавшихся внутриконтинентальной неоднородностью, а также тесно переплетенных с ними языческих традиций, в большей или меньшей степени практиковавшихся в религиозной жизни местного населения.

Подводя итоги, можно сказать, что авторы рецензируемого исследования поставили перед собою непростую задачу – раскрыть чрезвычайно сложный и многоаспектный процесс вхождения Северного Кавказа в состав Российской империи. В этой связи представляет интерес предложенная ими и вводимая в научный оборот понятийная цепочка – «присоединение–инкорпорация–легитимация–интеграция–синтез». Она отражает не столько этапы, сколько аспекты, различные «фазовые состояния» российско-северокавказских

отношений, в различной степени присутствующие на каждом этапе развития этих отношений.

Рассматривая проблему в аспекте, предложенном авторами исследования, можно убедиться в том, что «присоединение» или «вхождение» народов Северного Кавказа в состав Российского государства – это не просто политическое событие или процесс. В нем изначально присутствует культурно-цивилизационное измерение, поскольку стороны взаимодействуют не в качестве политических единиц, «монад», но в качестве сложных социокультурных субъектов.

Исследование написано на материалах отечественных архивов, с использованием последних достижений отечественной и зарубежной историографии. Характерным является то, что в труде более глубоко изучены вопросы рассматриваемого процесса на территории Центрального Кавказа в сравнении с Северо-Западным и Северо-Восточным Кавказом

Несомненно, книга будет интересна для кавказоведов, преподавателей и студентов высших учебных заведений, а также для широкого круга читателей интересующихся историей Северного Кавказа.